

О значении термина "хохол" и производных от него в русских источниках первой половины XVII в.¹ (эпизод из истории русско-польско-украинских контактов)

Термин этот, получивший такое распространение в русском языке XVIII-XIX вв. для обозначения "украинца", в своем первоначальном значении был, как известно, названием одной из черт внешнего облика человека. Хохол - это клок волос, оставшийся на бритой голове.

Как показывает изучение русских источников, такой "хохол" запомнился русским людям прежде всего, как бросающаяся в глаза черта внешнего облика вражеского войска, вторгшегося в Россию в годы "Смуты". Так, дьяк Иван Тимофеев писал в своем "Временнике", что М.В.Скопин-Шуйский начал в 1609 г. свой освободительный поход, "хотя от бед изъяти матере град (Москву. - Б.Ф.), иже хохлом имущими на главах тогда бяше той обстоим"². Так как во вражеском войске преобладали, командовали люди "чужой", латинской веры, то своеобразная внешность и иное религиозное исповедание стали соединяться между собой в сознании русских людей. Так, тот же И.Тимофеев в ином месте своего труда вспоминал "порабощение наше от главоохленные и слатинныя Литвы"³. Еще более ясно связь между такой внешностью и "латинской" верой выступает в относящейся к 1611 г. грамоте земских властей Ярославля в Казань. Хваля патриарха Гермогена на стойкость в защите православной веры, составители грамоты писали: "только б (патриарх. - Б.Ф.) такова досточжднова дела не учинил и за то было кому стояти? Не токмо веру попрали, хотя б на всех хохлы учинити, и за то б никто слова не смел молвити"⁴. Изменение внешности с появлением на голове "хохла" здесь недвусмысленно приравнивается к принятию "чужой" веры.

Такая острая реакция на непривычную внешность, несомненно, связывалась с тем, что человек, подвергший себя такой процедуре, существенно изменял свою природную внешность (хохол на голове, как известно, сочетался обычно с обритым подбородком), а в ходе длительных контактов латинского и византийского культурного круга сложилась устойчивая оппозиция между меняющими свою природную внешность представителями латинского мира и представителями мира православного, стремящимися ее сохранить. Соперничество двух миров находило свое выражение, в частности, в попытках добиться изменения внешности оппонента. Сказанное можно легко проиллюстрировать двумя примерами, исходящими от противоположных сторон. Так, молдавский летописец, рассказывая о заключении унии православной и католической церкви на Флорентийском соборе, писал, что греки во Флоренции "прелщени быша от латин и мнози от них приидоша с постриженами брадами"⁵. Еще более выразительно свидетельство противной стороны - шведского хрониста XV в. В его рассказе о походе короля Магнуса против новгородцев читаем, что, победив врагов, правитель "велел обрить им бороды и окрестить их"⁶. В обоих примерах изменение природной внешности (бритье бороды) ставится на одну доску с актом принятия католицизма.

В Московской Руси в полной мере сохранялась традиционная для православного мира точка зрения. Веским свидетельством здесь могут служить слова Ивана IV, обращенные к папскому легату Антонию Поссевино: "видим у тебя бороду подсечену, а бороды подсекать и подбривать не велено и не попу и мирским людем, а ты в римской вере поп, а бороду сечешь"⁷. Пример этот интересен еще и иным - подозрительный царь ищет во внешности пришельца из латинского мира отклонения от привычного внешнего вида.

Понятно, в таком историко-культурном контексте, что появившийся на русской территории человек с "хохлом" только и мог быть воспринят, как человек "чужой" веры и "чужого" народа - поляк, католик.

Как характерная черта внешности поляка "хохол" и вы-

ступает в русских свидетельствах 20-х - начала 30-х гг. ХУП в. Так, в известном деле о приезде в Россию 1626 г. претендента на османский трон Александра Ахии читаем, что он "голову простриг и учинил хохол, как делают польские купцы". За это его порицали сопровождавшие приставы, разъясняя "царевичу", что "в Российском государстве поляков с хохлы в церковь не пускают"⁸. Еще в 1631 г. выехавши из Речи Посполитой казак Назар Сахнов, рассказывая о своей службе там у Салтыковых, сообщал "а живут, де, те Салтыковы холосты и ходят по-польски с хохлами"⁹.

В эти же 20-е гг. этот термин впервые используется для обозначения человека. Так, в относящихся к 1621 г. одном из документов "ругательной" переписки воеводы одного из пограничных русских городов с "державцем" г. Серпейска, читается следующее обращение к оппоненту: "А православных крестьян называешь некрещеными и хамовыми детьми, и прямые некрещенные вы, поганые хохлы, сатанины угодники, хамовы внучата присканами (так!) своими хохлы бесовскими"¹⁰. "Поганые хохлы" - это уже не детали внешности, а люди другой, чужой враждебной веры, признаком чего и служат украшающие их "бесовские" хохлы.

Все это никак не относилось к "русским людям" в Речи Посполитой. Датированное 1619 г. сообщение, что "в Дорогобуже, де, хотят литовские люди русским всяким людям на головах делать хохлы"¹¹, показывает, что в представлении москвичей они могли начать носить "хохлы" лишь под страхом принуждения со стороны "ляхов" и это воспринималось, по-видимому, как акт символического принятия "ляшской" веры - католицизма.

Такое восприятие внешнего мира было возможно лишь благодаря существованию той культурно-идеологической установки, о которой говорилось выше, и перенесению своих ригористических представлений о внешности в среду, для которой они не были характерны. В действительности, как показывают сохранившиеся изображения казацких гетманов второй половины ХУИ в. Ивана Подковы и Гаврилы Голубка, уже в то время мо-

да на выбритую голову с чубом и усы с бритым подбородком была достаточно распространена среди запорожских казаков, явно не усматривавших в таком изменении своей внешности какого-то особого идейного смысла. Да и упоминавшийся выше Александр Ахия, вероятно, научился носить "хохол" именно на Запорожье, откуда он и приехал в Москву.

Представление о том, что "хохол" неприменимый признак только католика-поляка должно было оказаться несостоятельным при усилении контактов между Россией и Запорожьем. Это и произошло в годы Смоленской войны, когда на русскую территорию пришло Запорожское войско во главе с гетманом Тимофеем Арандаренко. Рассказывая о действиях этого войска, один из русских лазутчиков сообщал, в частности, в апреле 1634 г.: "а иных, де, они имали русских людей и хохлы им делали"¹². Представляется не случайным, что именно вскоре после окончания этой войны в сообщениях властей пограничных русских городов появляется термин "хохлач" для обозначения украинских жителей Речи Посполитой. Два наиболее ранних документа - отписки валуйского воеводы, относящиеся к 1636 г. В апреле 1636 г. он сообщал, что в Валуйку приехали с Дона "литовские земли хохлачи", уроженцы украинского городка Ирклиева. В другом документе того же времени упоминается "хохлач есырь", попавшийся на дороге человеку, бежавшему из татарского плена¹³. Очевидно, что в обоих случаях речь идет о простых украинцах. Сравнительно немного времени спустя в отписке донских атаманов в Москву осенью 1644 г. термин "хохлачи", употреблялся уже, как синоним такого широко известного названия запорожских казаков, как "черкасы": "на Дону есть воровство, татарове и черкасы с ними, хохлачи"¹⁴.

Так как в известных нам многочисленных источниках этого времени мы нигде не встречаем сомнений в правоверии запорожцев и они, напротив, выступают, как главные защитники православия в Речи Посполитой, то в маленьком терминологическом изменении, которое выше удалось установить, можно отметить след мировоззренческих перемен, характерных для

быстро меняющегося русского общества ХУП в. Необычная, не соответствующая русским традиционным нормам внешность продолжала использоваться сознанием, как критерий различения, но человек с такой внешностью уже перестал безоговорочно оцениваться как приверженец чужой, латинской веры, а "хохол" на его голове уже не воспринимался, как символ веротступничества. Так, получилось, что термин, изначально относившийся к человеку "чужого" мира и "чужой" веры, постепенно начал служить для обозначения внешне отличного, но по-существу близкого и родственного народа.

Примечания

1. Автор приносит благодарность сотрудникам, работающим над созданием Словаря русского языка XV-XVII вв., за возможность воспользоваться собранными ими материалами.
2. Русская историческая библиотека (далее - РИБ), т. 13. СПб., 1891, стб. 438.
3. Там же, стб. 467.
4. Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 2. М., 1819, № 241, с. 518.
5. Славяно-молдавские летописи XV-XVI вв. М., 1976, с. 63.
6. Рыздзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия IX-XIV вв. М., 1978, с. 127.
7. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 10. СПб., 1871, стб. 302.
8. Кулиш П.А. Материалы для истории воссоединения Руси. Т. 1. М., 1877, с. 234-235.
9. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. Т. 1. М., 1954, № 59, с. 102.
10. Центральный государственный архив древних актов (далее - ЦГАДА), ф. 79 (Сношения России с Польшей), 1621 г. № 4.
11. Там же, кн. 38, л. 106.
12. Акты Московского государства. Т. 1. М., 1890, № 654.
13. ЦГАДА, ф. 210. Разрядный приказ. Белгородский стол, стб. 64, л. 46, 425.
14. РИБ, т. 24. СПб., 1906, стб. 576.